

НОВЫЕ ОНТОЛОГИИ

ЭНДРЮ ПИКЕРИНГ

Почетный профессор, отделение социологии, философии и антропологии, Университет Эксетера. Адрес: Rennes dr., Amory Bldg, EX4 4RJ Exeter, UK. E-mail: a.r.pickering@exeter.ac.uk.

Ключевые слова: онтология становления; дуалистическая онтология; симметрия; децентрированное.

Автор рассматривает две противоположные онтологические позиции: дуалистическую «естественную онтологическую установку» и онтологию становления. В ходе анализа, иллюстрированного примерами из искусства (полотна Пита Мондриана и Виллема Куннинга) и инженерной практики (гидротехнические работы на реке Миссисипи рядом с Новым Орлеаном), выявляются основные черты обоих подходов. Первый предполагает дистанцию между субъектом и объектом, активность и превалирование субъекта над пассивным объектом, а также вневременное измерение. Вторая стратегия устраняет субъектно-объектную оппозицию, заменяя ее симметричным, децентрированным отношением человеческих и не-человеческих агентов, и акцентируется на временном аспекте их взаимодействия. Это позиция, исходя из которой возможно зафиксировать

аспект становления и учитывать его в практике.

Автор доказывает, что «классическая», дуалистическая модель онтологии является не альтернативой онтологии становления, а одной из ее локальных стратегий, доминирующей на определенном этапе истории мысли. В статье раскрывается эпистемологическая неэффективность дуалистической онтологии как господствующей стратегии. Автор делает вывод о необходимости ее ограничения и перехода к онтологии становления как к новой «естественной установке», поскольку именно эта позиция позволяет наиболее адекватно описывать современную научно-техническую ситуацию, а также открывает перспективы наиболее эффективных практик в данной области. Их общим принципом было бы предоставление вещей их собственной судьбе. Указываются философы, наиболее близкие этой позиции.

ВМОЕЙ книге «Вальцы практики»¹ я предложил онтологический взгляд на мир и наше место в нем; взгляд, в котором и человеческое, и нечеловеческое понимаются как открытое становление, которое принимает возникающие во временном «танце агентности»² формы. В данной статье я обогащаю и расширяю этот взгляд. Чтобы сделать ставки наглядными, я счел полезным начать с сопоставления работ двух немецких художников XX века, Пита Мондриана и Виллема де Кунинга, и проинтерпретировать их картины как «философские объекты» — объекты, которые отсылают к весьма различным теориям бытия в мире.

Сперва Мондриан. Его поздние геометрические абстракции узнаются мгновенно: сеть вертикальных и горизонтальных прямых черных линий, заполненная лоскутами основных цветов. Как такие картины побуждают нас думать о существовании в мире? Прежде всего они говорят мне об определенном дуализме людей и вещей, явном разрыве между художником и его работой. Можно понять это как *отделение* художника от мира. Теряется даже привычная тонкая связь между художником и миром — художественный *взгляд*, созерцающий ландшафт и некоторым образом изображающий его на картине. Глядя на эти картины, приходится представлять их продуктами *мышления* Мондриана, абстрактными представлениями, сначала построенными мысленно — черные линии пройдут здесь и здесь на белом фоне, образовав декартову систему координат; лоскуты основных цветов будут тут и там, — а уже после нанесенными красками на холст. Картина Мондриана, таким образом, побуждает нас думать о себе не столько в отношении с миром, сколько как об отделенных от него и *господствующих* над ним извне, как о самостоятельных человеческих агентах в пассивном материальном мире. Это одно онтологическое видение.

Перевод с английского *Наиры Кочинян* по изданию: © Pickering A. *New Ontologies // The Mangle in Practice: Science, Society, and Becoming* / A. Pickering, K. Guzik (eds). Durham; L.: Duke University Press, 2008. Публикуется с любезного разрешения автора.

1. Pickering A. *The Mangles of Practice: Time, Agency and Science*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1995.
2. Другой вариант перевода *dance of agency* предлагает Ольга Столярова — «танец действия». — Прим. ред.

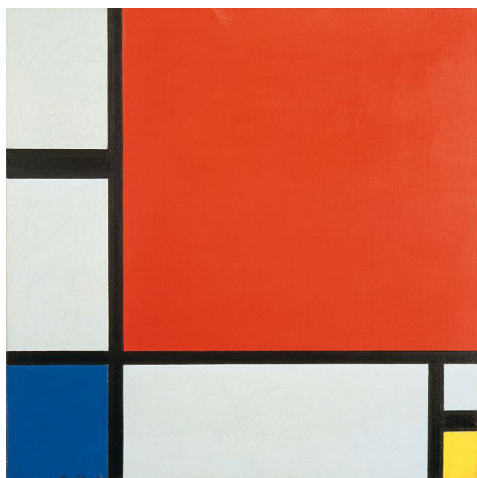

Рис. 1. Пит Мондриан. «Композиция с красным, желтым и синим». 1921 год. Муниципальный музей (Гаага, Нидерланды)

Теперь де Кунинг. Зачастую его картины немногим обязаны восприятию реальности и ее переводу в изображение: в этом отношении они так же «абстрактны», как и картины Мондриана. Но тем не менее его будто запачканные красками полотна ярко свидетельствуют о вязкой, телесной, материальной *вовлеченности* в мир. Невозможно представить себе работы де Кунинга как перевод заранее представленного мысленного образа в изображение на холсте. Приходится думать о них, следуя за тем, как они были выполнены фактически. Де Кунинг мог иметь какую-то изначальную идею, в каком направлении будет развиваться конкретная работа, но никогда не держался за эту идею. Густо накладывая краски, он ищет неожиданные эстетические эффекты — завихрения, водовороты цвета, случайные сочетания. Затем он позволяет себе *увлечься*³ этими эффектами, добавляя больше краски, распределяя ее по холсту и т. д. Его живопись была непрерывным перемещением от восприятия возникающих эффектов к стремлению усилить их, непредсказуемо ведущим к появлению полотен, которые никто, включая самого художника, не мог бы заранее спланировать или предвосхитить. Говорили, что работа де Кунинга могла быть закончена лишь тогда, когда кто-нибудь отбирал у него картину. Он всегда стремился находить в ней новые эффекты и возвращаться к работе над ней.

3. Gomart E., Hennion A. A Sociology of Attachment: Music Amateurs, Drug Users // Actor Network Theory and After / J. Hassard (ed.). Oxford: Blackwell Publishers / The Sociological Review Monographs, 1999. P. 220–247.

Рис. 2. Виллем де Кунинг. «Без названия IV». 1977. Музей коллекции Менил (Хьюстон, США)

Как философские объекты картины де Кунинга представляют иную онтологию, нежели картины Мондриана. Если картины Мондриана предполагают дуалистическое движение отстранения человека от мира, то полотна де Кунинга говорят об основополагающей вовлеченности в него. И если у Мондриана эта отстраненность связана с асимметричным человеческим господством над пассивной материальностью, то у де Кунинга внимание акцентируется на куда более симметричном взаимодействии человеческого и нечеловеческого. Живопись де Кунинга — неразделимо совместный *продукт человеческого и нечеловеческого*: де Кунинг, краски и холст. Это децентрированное производство, в котором де Кунинг был одновременно и автором, и исследователем, и активным, и пассивным. Вот первое основание для противопоставления двух художников и их работ. Второе касается *временности*. Картины Мондриана не затрагивают тему времени. Можно представить себе живопись Мондриана как материализацию почти безвременного платонического образа — образа, который можно ясно представить в уме и в любой момент запустить в реальность. Напротив, представить себе произведения де Кунинга можно лишь появляющимися в реальном времени телесной практики: *это* должно было произойти — нанесение такого количества этой краски на некоторую уже заполненную поверхность, затем должно было произойти *то* и т.д. И все это вычерчивает уникальную траекторию, которая приводит к *этому* изображению. Конечная точка этой траектории ни в коем случае не была пред-

задана — ни в мозге де Кунинга, ни в его тубиках краски, ни где-либо еще. Картины де Кунинга показывают нам, как подлинная новизна подлинно возникает во времени, в гуще вещей, на пересечении человеческого и нечеловеческого, в открытом поиске путем проб и ошибок. Де Кунинг, я бы сказал, изображает *онтологию становления*.

Итак, работы этих двух художников могут представлять две различные онтологии. Из одной следует дуализм человеческого и нечеловеческого, отстраненность, господство первого над вторым и стирание времени. Другая предполагает непосредственное симметричное переплетение между человеческим и нечеловеческим и временное становление в этом переплетении. Онтология Мондриана хорошо знакома большинству из нас. За прошедшие века она стала, если заимствовать фразу Артура Файна, *естественной онтологической установкой*.

Но, кроме этого, я хотел бы сказать нечто более радикальное. Дело не в том, что здесь мы имеем два онтологических понимания, являющихся в каком-то смысле равнозначными и одинаково пригодными альтернативами, между которыми нам следует выбирать. Чтобы уйти от этой идеи, достаточно вспомнить, что Мондриан не всегда рисовал геометрические абстракции, благодаря которым он сейчас известен. Некоторые его ранние картины довольно схожи с работами де Кунинга (хотя исторически влияние было обратным). Теперь важно то, что стиль рисования Мондриана сам изменялся во времени. Это связано с его борьбой с краской, кистями, холстами и, несомненно, с различными художественными и философскими традициями, его собственным эстетическим опытом, личной биографией и т. д. Поэтому рассматриваемая во временной перспективе творческая траектория Мондриана схожа с онтологией де Кунинга. Оба художника жили в гуще вещей и были симметрично связаны с материальным миром, процессами открытого становления. Просто работы позднего Мондриана (картезианские картины, с которых я начал) сами по себе не отображают этого. Изображая мир дуалистического вневременного разделения, эти картины уводят внимание от онтологической ситуации, из которой они произошли, тогда как работы де Кунинга делают эти онтологические условия существования своей темой.

Моя основная мысль заключается в том, что онтология, которую я ассоциирую с де Кунигом, является истинной онтологией, напоминающей нам, каким существование в мире всегда было и будет, в то время как мондриановский стиль приходится рас-

смагивать как изображающий *определенную позицию* в потоке становления. Это определенная тактика существования в потоке, которая, пытаясь выйти за его пределы, сопротивляется его признанию и которую можно ассоциировать с дуалистическими проектами отрицания временности и доминирования над материей. Мы оказались ослеплены Мондрианом. Вместо того чтобы видеть дуалистическое разделение и господство как движение, тактику, ухищрение, своеобразный способ жизни в потоке становления, мы склонны путать его с миром самим по себе⁴.

Довольно об искусстве; как насчет философии? Только что намеченная линия мысли отсылает к Мартину Хайдеггеру. В своей известной статье «Вопрос о технике»⁵ Хайдеггер, как мне представляется, следует линии де Кунинга: очертания материального мира, как и очертания человечества, бесконечно возникают и пребывают в становлении, и они неразрывно связаны друг с другом. Впрочем, согласно Хайдеггеру, Новое время ознаменовалось как раз закреплением мондриановской позиции в этом потоке становления. В режиме «поставы» мы, люди, стремимся находиться вне природы, контролируя ее, продолжая бросать ей вызов как «состоящему-в-наличии» для круговорота производства и потребления. В то же время мы продолжаем бросать вызов самим себе как особому типу сущего — наличному для тех же круговоротов. Хайдеггер видел в поставе огромную опасность для человечества, и это было его навязчивой идеей. Было бы замечательно, если бы нам были доступны иные способы существовать в мире. Вот куда ведут мои онтологические замечания. Но обсуждения двух художников, боюсь, недостаточно, чтобы подкрепить мои соображения, так что позвольте обратиться к примеру из жизни.

4. Барбара Гернштейн Смит видит иронию в том, что я пытаюсь вести под- коп под один дуализм (людей и вещей), выстраивая другой (нововременная онтология, то есть дуализм, и не-нововременная онтология, отвергающая этот дуализм). Должен признать, так оно и есть, но я не заинтересован в поддержании чистоты этого последнего дуализма. Несомненно, в потоке становления можно найти всевозможные позиции; можно без конца мутить воду. Моя цель — оспорить принимаемый как само собой разумеющийся дуализм людей и вещей, двигаясь к противоположному полюсу и указывая на то, что, я надеюсь, является поразительными, забываемыми и важными примерами их взаимного преобразующего соединения и переплетения.

5. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Он же. Время и бытие. М.: Гнозис, 1993. С. 221–238. См. также: Steiner C. J. Ontological Dance: A Dialogue Between Heidegger and Pickering // The Mangle in Practice: Science, Society, and Becoming. P. 221–243.

Я хотел бы поговорить о реке Миссисипи, отталкиваясь от замечательной книги Джона Макфи «Контроль природы»⁶. Миссисипи — одна из крупнейших рек в мире. Все дожди, выпадающие на Среднем Западе, стекают через нее в Мексиканский залив. До европейской колонизации низовье Миссисипи было ограничено естественными насыпями осадочных пород высотой около трех футов, протянувшимися вдоль обоих берегов водного пути. Обычно они сдерживали реку, хотя иногда она переливалась через них и затопляла обширные поймы. Видимо, аборигены смогли к этому приспособиться. Но потом пришли европейские поселенцы и основали постоянные поселения, в особенности Новый Орлеан — крупнейший порт на реке. С ростом городов важность сдерживания реки возросла, что дало начало одному из крупнейших в мире проектов обуздания природы — ни больше ни меньше как управление самой Миссисипи. Частью этого проекта было искусственное наращивание дамб, нацеленное на то, чтобы ограничить реку ее берегами. Самое любопытное в этой стратегии то, что она так и не сработала. По мере роста дамб рос и уровень воды; затопления продолжались; дамбы приходилось поднимать все выше и выше вплоть до сегодняшнего дня. В результате Новый Орлеан стал городом, окруженным кольцом земляных укреплений высотой тридцать футов. Макфи сравнивает его с обнесенными стеной средневековыми городами, хотя врагом теперь являются не люди по ту сторону стены, а вода. Теперь огромные сухогрузы плавают *выше* уровня улиц Нового Орлеана. Как сказал Макфи, если бы дамб не было, то движение судов представляло бы собой сюрреалистическую картину, напоминающую парящую железную дорогу.

О ком мы должны здесь подумать? Прежде всего о де Кунинге, поскольку основной сюжет здесь — это открытое становление; в данном случае речь идет о проектировании архитектуры реки и Нового Орлеана. Никто не предполагал, что борьба с рекой закончится судами, плавающими выше уровня улиц. Просто так сложилось в децентрированном взаимодействии реки и людей — взаимодействии, аналогичном отношению де Кунинга к своим картинам. Но, фиксируя и упорядочивая этот децентрированный эмерджентный процесс, мы поддаемся дуалистическому соблазну Мондриана навязать реке абстрактную и вневременную человеческую концепцию того, какой она должна быть. Думаю, это Хайдеггер и имел в виду под поставом.

6. McPhee J. The Control of Nature. N.Y.: Farrar, Straus, Giroux, 1989.

Продолжим историю. Полтора века назад ответственность за контроль над рекой была возложена на инженерные войска сухопутных сил США, которые описывали свою работу как битву с Миссисипи — битву, в центре в которой находятся дамбы и чей исход отнюдь не определен. Оказывается, Миссисипи хочет двигаться. Сейчас ее уровень на тридцать футов выше, чем у Атчафалайи — одной из малых рек, которую она питает своими водами. Предоставленная самой себе, вся Миссисипи выльется в Атчафалайю и будет впадать в Мексиканский залив на несколько сотен миль западнее ее нынешнего устья, что превратит низовье Миссисипи в обычный ручей. Это было бы катастрофой для таких городов, как Новый Орлеан, которые во всех отношениях зависят от речных вод. Поэтому военные инженеры в течение десятилетий боролись за Атчафалайю, перестраивая ее пересечение с Миссисипи.

В 1963 году была введена в строй огромная плотина на 250 тысяч тонн, предназначенная для контроля за стоком вод Миссисипи в Атчафалайю, а также для предотвращения превышения его исходного уровня больше чем на 30%. Во время наводнений 1972 и 1973 годов эта система сдерживания едва выдержала. Если бы она разрушилась, Миссисипи безвозвратно изменила бы свое течение. После наводнения экспертиза показала, что сооружению был нанесен значительный ущерб. Одна его часть была просто снесена: бурные потоки вырыли вокруг нее ямы размером с футбольное поле. Несмотря на грандиозные восстановительные работы, плотине никогда не вернуть своих плановых технических характеристик. Исходный проект контроля обошелся в \$86 млн; после 1973 года было достроено новое вспомогательное сооружение, состоящее из шести ворот, каждые шириной в 62 фута, в совокупности весящих 2 600 тонн. Этот новый проект обошелся в дополнительные \$300 млн. Макфи приводит слова одного из инженеров нового проекта, сказавшего тогда: «Надеюсь, это сработает»⁷.

Здесь мы имеем продолжение антропоцентричного, вневременного, абстрактного проекта контроля — попытки удержать Миссисипи в ее историческом русле. Военные инженеры действительно говорят об «остановке времени в терминах распределения потоков»⁸. Но сам этот проект всегда встраивался в децентрированное и открытое становление человеческого и нечеловеческого, «танец агентности» между инженерами и рекой. Человеческие

7. *Idem*. Atchafalaya // The Control of Nature. P. 3–92, 52.

8. *Ibid*. P. 21.

агенты, инженеры, делают ход — например, возводят дамбу. Затем приходит черед нечеловеческого агента, реки: она поднимается еще выше и затопляет Новый Орлеан. Тогда люди отвечают, строя плотину между Миссисипи и Атчафалайей, а река в ответ делает свой ход — прорывает плотину. И так далее. Мы снова обнаруживаем мондриановский контроль как тактику существования внутри декунинговского мира.

Это одно из основных соображений, которое я хотел бы высказать, обсуждая этот пример. Я говорю не только о живописи; я хочу сказать о том, *каков мир* вообще, и Миссисипи, вероятно, является достаточно весомым примером для подкрепления аргумента.

Мое второе соображение будет короче. Армия в борьбе с Миссисипи действовала не вслепую. В ее стратегии были вовлечены значительные ресурсы *науки*. Инженеры хотели выбраться из гущи вещей, найти вневременную скрытую сущность реки и, таким образом, взять над ней верх, сперва концептуально, а затем материально. Например, в течение XIX века и вплоть до 1928 года управление Миссисипи основывалось на принципе «только дамбы»⁹. Идея, поддержанная лучшими учеными-гидрологами того времени, заключалась в том, что отсечение рукавов-оттоков от Миссисипи ускорит течение, способствуя таким образом вымыванию дна и понижению общего уровня воды, и так положит конец постоянным наращиваниям дамб. Звучит правдоподобно, но, как я уже говорил, эта стратегия не сработала. В наши дни гидрология другая. Теперь инженерные войска располагают 15-акровой масштабной моделью всего бассейна Миссисипи, на которой они тестируют свои идеи. Но даже это не решает практические проблемы. Лучшим материалом для реалистического моделирования речного русла является скорлупа грецких орехов. Проблема в том, что она начинает гнить под водой, поэтому вместо нее используется каменный уголь.

Мораль этой части истории двойная. Во-первых, сама наука связана со становлением; содержание науки меняется внезапным образом. И во-вторых, как и картины Мондриана, научное знание скрывает от нас становление. Оно описывает, изображает и приковывает наше внимание к вневременному и постоянному миру — в данном случае инвариантным репрезентациям водных потоков, — каким-то образом существующему за видимым миром изменчивости и становления. В онтологической перспективе, ко-

9. Ibid. P. 41.

тору ю я здесь развиваю, *наука сама по себе функционирует как завеса*, окутывающая наше восприятие того, каковы вещи на самом деле. Как заметил Хайдеггер, наука в лучшем случае находится в области «правильного», но не «истинного».

Итак, к чему же мы пришли? Аргумент заключается в том, что мы живем в гуще вещей, в симметричном, децентрированном процессе становления человеческого и нечеловеческого. Но это скрыто от нас тактикой дуалистического разделения и господства, удвоенного и усиленного наукой, выступающей нашим гарантированным способом познания. Вопросы, к которым я хочу обратиться в оставшейся части этой статьи, таковы: возможно ли устранить завесу и жить в присутствии децентрированного становления? И если да, то что изменится? Ответ на первый вопрос, очевидно, да, мы можем убрать завесу, де Кунинг сделал это. А ответ на второй вопрос — такое действие привело бы к заметным изменениям, картины де Кунинга сильно отличаются от мондриановских. Если это увидеть, то остается выяснить, как данный художественный контраст мог бы отражаться в других аспектах существования.

Но как это будет происходить? Здесь я должен кое-что сказать о примере с Миссисипи, и одна из линий мысли кажется неизбежной. Американские инженерные войска должны были прекратить бороться с рекой и оставить в покое Новый Орлеан. Жителям Нового Орлеана не понравилось бы то, что я говорю, но на самом деле эта идея не так уж безумна, как может показаться. Маловероятно, что даже американские инженерные войска смогли бы навсегда остановить время. Миссисипи рано или поздно вольется в Атчафалайю. Это может привести к многочисленным жертвам и разрушениям, как в ходе так называемого наводнения столетия (в 2002 году, по подсчетам, 45 тыс. человек погибло, 400 тыс. спасались на крышах и 700 тыс. эвакуированных остались бездомными¹⁰), или мы могли бы позволить этому произойти в то время, которое мы сами выберем: во время засухи, когда уровень воды низок и когда жители региона к этому подготовлены. Мы могли бы сделать это изящно; мы могли бы стать заодно с течением; мы могли бы начать заново с новой географией. Это иной способ жить в мире, и я полагаю его лучшим, чем деспотичные и бесперспективные проекты господства и контроля.

10. Nordheimer J. Nothing's Easy for New Orleans Flood Control // New York Times. 30.04.2002. P. 4.

Даже просто вообразить, что можно позволить Миссисипи «идти своим путем» — это самое радикальное предложение в истории американской экологической мысли (например, Джон Нордхаймер даже не рассматривает такую возможность¹¹). Я использую его в качестве наглядного подтверждения того, что сдвиг к онтологии в стиле де Кунинга, выглянувшей из-под мондриановской завесы, может многое изменить в мире¹².

Хайдеггер писал так, будто «постав» — это единый и всеохватывающий способ существования. Именно поэтому он одновременно столь опасен и его так сложно избежать. Но Хайдеггер был неправ. Безусловно, со времен научной революции и эпохи просвещения дуалистическое разделение стало повсеместным. Оно пронизывает все виды практик и их результатов. Вот почему для нас теперь естественно принимать правильность за истину и почему нам сложно понять мир по-другому. Но мондриановская стратегия всегда была не более чем стратегией господства. В тени Мондриана всегда можно найти де Кунинга. И если мы желаем противостоять онтологии дуализма и господства, то, мне кажется, у нас есть лишь один вариант. Мы должны поставить на де Кунингов — те направления нашей культуры, которые тем или иным способом пытались жить в присутствии становления. Но мы не должны делать это некритично. Прежде всего, эти традиции должны быть подвижными и изменяться во времени. Но в первую очередь мы должны стремиться объединить их в формацию, противостоящую господству. Дело не в том, чтобы искоренить стратегию Мондриана; никто не собирается полностью отказываться от рационального планирования и современной науки. Мы должны поддержать де Кунинга, чтобы мир наполнился эксплицитно и сознательно децентрированными практиками и их результатами, чтобы онтология становления стала естественной онтологической установкой, показы-

11. Ibidem.

12. Начиная с 2000 года идеи этой статьи развивались в ряде докладов на конференциях. Их публикацию опередили события 2005 года, произошедшие, пока рукопись была в распоряжении *Duke University Press*. Новый Орлеан был разрушен ураганом «Катрина», зародившимся в Мексиканском заливе, а не паводком, пришедшим со Среднего Запада. Но я до сих пор придерживаюсь высказанного здесь мнения. Я также вижу, что в США много внимания уделяется проблеме скорейшего возвращения эвакуированных жителей в Новый Орлеан. Если я бы переписывал статью сейчас, то сделал бы больший акцент на катастрофических бедствиях как следствиях постава и противопоставил бы их упомянутым выше адаптивным подходам в строительстве водных сооружений.

вающей, чем на самом деле является дуалистическое разделение: всего лишь одной из тактик существования в мире, которой мы располагаем.

Но тогда я должен привести несколько примеров таких маргинальных традиций, которые я хотел бы вывести на культурную авансцену.

Можно еще раз начать с искусства. Я не историк искусства, но знаю, что де Кунинг не уникален в истории. Можно вспомнить о школе «абстрактного экспрессионизма» и Джеконе Поллоке. Примеры здесь можно приводить бесконечно. Мне вспоминается сюрреалист Макс Эрнст, который создавал запоминающиеся образы, вычерчивая узлы на паркете своего гостиничного номера, — еще один пример децентрированного и произвольного производства предметов искусства. И конечно же, нам не стоит ограничиваться западными традициями. Мы можем вспомнить, к примеру, об изображениях индийского бога Шивы, который танцует на границе существования и несуществования мира, напоминая нам, что мы находимся в симметричном и открытом отношении с природным миром.

Движение в этом направлении немедленно напоминает нам, что в онтологии становления искусство прямым образом переходит в религию и духовные практики. Можно вспомнить об индуизме, в котором действует иной, отличный от мондриановского тип дуализма — дуализм между богами и людьми, который в то же время устраняет любой дуализм между людьми и природой. Или можно вспомнить о Шиве как имманентном природе и о становлении как о том, что само должно быть почитаемо и чему стоит изумляться. В любом случае мы находимся в обширном художественном и духовном поле, прямо отсылающем нас к онтологии становления без какой-либо мондриановской суперструктуры. Также приходит в голову буддизм — это инструкция по плаванью в потоке становления. Весь фокус в том, чтобы оставить привязанности и быть таким же текучим, как само течение. Мы возвращаемся к Новому Орлеану.

Философия. Хайдеггер был не более одинок, чем де Кунинг, будучи представителем того, что англичане и американцы называют «континентальной философией», — маргинализированной традицией, идущей от Гегеля через Альфреда Норта Уайтхеда (почетного «континентала») к Жилю Делёзу. Существует более доступная для американцев традиция прагматической философии, прежде всего Уильям Джемс, настаивающий на том, что мы не должны принимать абстрактные представления за сам мир и что representa-

ция является процессом навигации в мире, который всегда выходит из-под контроля.

Я мог бы долго продолжать этот список, мог бы упомянуть о философско-духовно-социально-медицинской традиции, идущей от алхимии эпохи Возрождения и Парацельса через Жан-Жака Руссо с его «благородным дикарем»¹³ к современному движению «Нью-Эйдж». Но важнее обратить внимание на события, происходящие в сердце постанова — в науке и технологии. Хайдеггер считал, что существует только один тип науки, который, по сути дела, обеспечил превращение мира в состоящее-в-наличии. На этот счет он тоже ошибался. Можно было бы написать долгую историю науки в духе де Кунинга, но я приведу только несколько примеров.

Для начала инженерное дело — и можно снова поговорить о воде¹⁴. Недавно на первой полосе газеты *New York Times* появилась статья под заголовком «Дамбы и политики обуздывают могучую реку»¹⁵. Вот ее первые строки:

Ученые знают, чем больны великие реки Америки. Они также знают, как их лечить. От Колумбии... до Эверглейдс... им было поручено... взять под контроль реки, оказавшиеся в экологической опасности в результате многолетнего использования, чтобы предотвратить наводнения, обеспечить орошение сельскохозяйственных угодий и производство электроэнергии. Вместо того чтобы разрушать дамбы, они используют их для управления речными потоками, искусственно воспроизводя сезонный ритм естественного движения вод. Ученые обнаружили, что весенний подъем и летний спад уровня воды могут дать находящимся в опасности рыбам, птицам и растительности шанс выжить в механизированной реке.

Здесь мы видим признание учеными и инженерами того, что абстрактное господство над природой не является лучшим способом действия. Может быть, лучше двигаться вместе с течением — воды, времени и сезонов. Сто лет назад большая часть Центрального Запада США (откуда я родом) находилась под водой.

13. Giedion S. *Mechanization Takes Command: A Contribution to an Anonymous History*. N.Y.: Oxford University Press, 1948.
14. Asplen L. *Going With the Flow: Living the Mangle Through Environmental Management Practice* // *The Mangle in Practice: Science, Society, and Becoming*. P. 163–185.
15. Harden B. *Dams and Politics Channel Mighty River* // *New York Times*. 05.05.2002. P. 1.

Она была осушена и превращена в сельскохозяйственный регион благодаря выпрямлению рек и строительству дренажных каналов для их питания. Теперь существует, цитируя местную газету, «движение по устранению ущерба от дренажа» — ущерба, заключающегося в разрушении целых экосистем и в истреблении многочисленных популяций рыб и птиц. «Предоставив собственной судьбе даже маленький участок дренажной системы или выпрямленной реки и не поддерживая его искусственно, можно добиться значительной реабилитации рыб и других диких животных». «Это наука в ее несовершенности, — говорил один профессор географии в Иллинойском университете, — это смесь знания и метода проб и ошибок. Мы можем успешно контролировать течение, но мы не можем понять, как создать сложную систему, в пределах которой могла бы функционировать природа»¹⁶. Очевидно, даже гидрологи и инженеры могут действовать в реальном мире подобно де Кунингу, а не Мондриану. Нам нет нужды разделять всеобъемлющий хайдеггеровский страх перед наукой и технологией. Если мы хотим пошатнуть гегемонию дуалистической онтологии, нам следует обращать внимание и удерживать этот альтернативный вид гидротехники, действующей в гущи вещей.

Скорее в стиле де Кунинга, чем Мондриана, Делёз и Гваттари¹⁷ набросали историю наук, о которых они говорят как о «номадических» или «малых», отличая их от «королевских», поддерживающих прочную и долговечную государственную форму социального порядка. Я упомяну еще один (мой любимый) пример номадической науки — странную науку кибернетику, процветавшую в течение примерно двадцати лет после Второй мировой войны. Есть много способов описать, чем была кибернетика. На сегодняшний день самое пронизательное для наших целей описание связано с концепцией одного из ведущих английских кибернетиков — Стаффорда Бира. Исходный тезис Бира, безусловно, онтологический. Он утверждал, что мир является «чрезвычайно сложной системой»¹⁸, которую невозможно полностью знать и контролировать. Тем самым кибернетика начала скорее с де Кунинга, чем с Мондриана, сразу же признав, что отчуждение человека от мира и господство над ним являются в лучшем случае ошибочной стра-

16. *Pringle K. Movement Afoot to Undo Some of Draining's Damage // Champaign-Urbana News Gazette. 03.03.2002.*

17. *Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.*

18. *Beer S. Cybernetics and Management. L.: English Universities Press, 1959.*

тегией. Поэтому кибернетике оставалось своего рода проектирование в гуще вещей — развитие подвижных технологий: форма адаптивного проектирования, основанного на открытом поиске в пространстве возможностей, которые не могут быть исчерпывающим образом предсказаны заранее.

Я не могу вдаваться в детали странных и удивительных материальных технологий кибернетики¹⁹, но хочу подчеркнуть особое значение социального аспекта этого поля. Специфическая онтология кибернетики определила подходы в таких различных областях, как, с одной стороны, нейрофизиология, исследования искусственного интеллекта, робототехника, теория информации и теоретическая биология, с другой — психиатрия, менеджмент, политика, гуманитарные дисциплины и духовные практики. Кибернетика, таким образом, показала, что осознание децентрированной и временной онтологии может повлечь за собой значительные изменения в мире, переупорядочивание и перестройку огромных пластов культуры и практики. Кибернетика была номадической наукой. Если мы хотим оспорить гегемонию Мондриана, начиная с науки и технологии и кончая другими областями культуры, критическое возобновление кибернетического проекта могло бы быть важной частью этого процесса и источником вдохновения, выходящим далеко за рамки нью-эйджа и гидротехники.

Я начал эту статью с разговора о политике, и мне следует закончить, вернувшись к этой теме. Какой должна быть политика в мире с децентрированной онтологией становления? На самом деле политический наказ, насколько я понимаю, уже был дан.

19. *Pickering A. Cybernetics and the Mangle: Ashby, Beer and Pask*// *Social Studies of Science*. 2002. Vol. 32. P. 413–437; *Idem. The Science of the Unknowable: Stafford Beer's Cybernetic Informatics*// *Kybernetes*. 2004. № 33: *Tribute to Stafford Beer* / R. Espejo (ed.). P. 499–521; *Idem. The Tortoise against Modernity: Grey Walter, the Brain, Engineering and Entertainment*// *Experimental Cultures: Configurations Between Science, Art, and Technology, 1830–1950*. B.: Max-Planck-Institut für Wissenschaftsgeschichte, 2002. P. 109–122; *Idem. A Gallery of Monsters: Cybernetics and Self-Organisation, 1940–1970*// *Mechanical Bodies, Computational Minds: Artificial Intelligence From Automata to Cyborgs* / S. Franchi, G. Güzeldere (eds). Cambridge, MA: MIT Press, 2005. P. 229–245; *Idem. Science as Theatre: Gordon Pask, Cybernetics and the Arts*// *Spektakuläre Experimente: Praktiken der Evidenzproduktion im 17. Jahrhundert* / H. Schramm et al. (eds). B.: de Gruyter, 2006. P. 454–476; *Idem. Beyond Design: Cybernetics, Biological Computers and Hylozoism*// *Synthese*. 2009. Vol. 168. P. 469–491; *Idem. Cybernetics as Nomad Science*// *Deleuzian Intersections in Science, Technology and Anthropology* / C. B. Jensen, K. Rodje (eds). Oxford: Berghahn, 2009. P. 155–162.

Мы должны разрабатывать, артикулировать и собирать эти деконингговские традиции, ныне живущие на окраинах нашей культуры, дабы оспорить влияние Мондриана на наше воображение. Такой сдвиг в нашем онтологическом сознании непременно приведет к сдвигу в способах нашего поведения в мире. Я попытался показать, как это происходит, с помощью отдельных примеров — от живописи, философии, техники до движения нью-эйджа, неевропейских духовных практик и кибернетики. Мое предположение заключается в том, что если бы чары Мондриана могли быть разрушены, то мир в целом поразил бы нас в нашей повседневности как место децентрированного человеческого и нечеловеческого становления. Случись это, мы бы сознательно жили (совершенно иначе, чем живем сейчас) в потоке становления, не отрицая его. Отсюда второй смысл политики онтологии поверхностей. Если мы сможем разрушить чары Мондриана, я полагаю, мы останемся с *политикой эксперимента*. Кибернетики были правы: не остается ничего, кроме как творчески и критически исследовать неограниченные пространства возможностей мира. Экспериментирование 1960-х годов — вот где я стал бы черпать вдохновение, хотя сейчас я не буду на этом останавливаться²⁰.

И последнее замечание. Политика, которую я держу в уме, — это не просто вопрос теории, обсуждений и социального порядка. Если дуалистическое разделение и господство все еще являются нашей естественной онтологической установкой, это потому, что со времен промышленной революции мы преобразовывали материальный мир, чтобы сделать их такой установкой. В прекрасной работе²¹ Вольфганга Шивельбуша о железных дорогах в XIX веке анализируется навязывание картезианской сети прямых линий и стандартизированного ньютоновского времени как ландшафту, так и нашим городам и нашей жизни. В таком технологически перестроенном и геометризированном мире мы очень легко воспринимаем пространство и время сами по себе, как абстрактные категории, которые оторваны от потока переживаний и всегда под рукой для создания еще более абстрактных представлений. Чтобы обновить наши онтологические способности, нам необходимо снова переделать мир — как *материально*, так и на уровне пред-

20. *Idem*. On Becoming: Imagination, Metaphysics and the Mangle//Chasing Technoscience: Matrix of Materiality/D. Ihde, E. Selinger (eds). Indiana: Indiana University Press, 2003. P. 96–116.

21. *Schivelbusch W.* The Railway Journey: The Industrialization of Time and Space in the 19th Century. Berkeley: University of California Press, 1986.

ставления²². Такая материальная трансформация является поистине большой работой. Я рад, что инженеры-гидротехники уже практикуют для нас политику онтологии.

Библиография

- Asplen L. Going With the Flow: Living the Mangle Through Environmental Management Practice // *The Mangle in Practice: Science, Society, and Becoming* / A. Pickering, K. Guzik (eds). P. 163–185.
- Beer S. *Cybernetics and Management*. L.: English Universities Press, 1959.
- Giedion S. *Mechanization Takes Command: A Contribution to an Anonymous History*. N.Y.: Oxford University Press, 1948.
- Gomart E., Hennion A. A Sociology of Attachment: Music Amateurs, Drug Users // *Actor Network Theory and After* / J. Hassard (ed.). Oxford: Blackwell Publishers / *The Sociological Review Monographs*, 1999. P. 220–247.
- Harden B. Dams and Politics Channel Mighty River // *New York Times*. 05.05.2002.
- McPhee J. *Atchafalaya* // *The Control of Nature*. N.Y.: Farrar, Straus, Giroux, 1989. P. 3–92.
- McPhee J. *The Control of Nature*. N.Y.: Farrar, Straus, Giroux, 1989.
- Nordheimer J. Nothing's Easy for New Orleans Flood Control // *New York Times*. 30.04.2002.
- Pickering A. A Gallery of Monsters: Cybernetics and Self-Organisation, 1940–1970 // *Mechanical Bodies, Computational Minds: Artificial Intelligence From Automata to Cyborgs* / S. Franchi, G. Güzeldere (eds). Cambridge, MA: MIT Press, 2005. P. 229–245.
- Pickering A. Beyond Design: Cybernetics, Biological Computers and Hylozoism // *Synthese*. 2009. Vol. 168. P. 469–491.
- Pickering A. Cybernetics and the Mangle: Ashby, Beer and Pask // *Social Studies of Science*. 2002. Vol. 32. P. 413–437.
- Pickering A. Cybernetics as Nomad Science // *Deleuzian Intersections in Science, Technology and Anthropology* / C. B. Jensen, K. Rodje (eds). Oxford: Berghahn, 2009. P. 155–162.
- Pickering A. New Ontologies // *The Mangle in Practice: Science, Society, and Becoming* / A. Pickering, K. Guzik (eds). Durham; L.: Duke University Press, 2008. P. 1–16.
- Pickering A. On Becoming: Imagination, Metaphysics and the Mangle // *Chasing Technoscience: Matrix of Materiality* / D. Ihde, E. Selinger (eds). Indiana: Indiana University Press, 2003. P. 96–116.
- Pickering A. Science as Theatre: Gordon Pask, Cybernetics and the Arts // *Spektakuläre Experimente: Praktiken der Evidenzproduktion im 17. Jahrhundert* / H. Schramm, L. Schwarte, J. Lazardzig (eds). B.: de Gruyter, 2006. P. 454–476.
- Pickering A. Space — The Final Frontier // *Collection, Laboratory, Theater* / H. Schramm, L. Schwarte, J. Lazardzig (eds). B.: de Gruyter, 2006. P. 1–8.
- Pickering A. *The Mangles of Practice: Time, Agency and Science*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1995.

22. *Pickering A. Space — The Final Frontier* // *Collection, Laboratory, Theater* / H. Schramm et al. (eds). B.: de Gruyter. P. 1–8.

- Pickering A. The Science of the Unknowable: Stafford Beer's Cybernetic Informatics // *Kybernetes*. 2004. № 33. P. 499–521.
- Pickering A. The Tortoise against Modernity: Grey Walter, the Brain, Engineering and Entertainment // *Experimental Cultures: Configurations Between Science, Art, and Technology, 1830–1950*. B.: Max-Planck-Institut für Wissenschaftsgeschichte, 2002. P. 109–122.
- Pringle K. Movement Afoot to Undo Some of Draining's Damage // *Champaign-Urbana News Gazette*. 03.03.2002.
- Schivelbusch W. *The Railway Journey: The Industrialization of Time and Space in the 19th Century*. Berkeley: University of California Press, 1986.
- Steiner C. J. *Ontological Dance: A Dialogue Between Heidegger and Pickering* // *The Mangle in Practice: Science, Society, and Becoming* / A. Pickering, K. Guzik (eds). Durham; L.: Duke University Press, 2008. P. 221–243.
- Делёз Ж., Гваттари Ф. *Тысяча плато. Капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.
- Хайдеггер М. *Вопрос о технике* // *Он же. Время и бытие*. М.: Гнозис, 1993. С. 221–238.

NEW ONTOLOGIES

ANDREW PICKERING. Emeritus Professor, a.r.pickering@exeter.ac.uk.
Department of Sociology, Philosophy and Anthropology, University of Exeter,
Rennes dr., Amory bldg, EX4 4RJ Exeter, UK.

Keywords: ontology of becoming; dualist ontology; symmetry; decentering.

The author first discusses the paintings of Piet Mondrian and Willem de Kooning as exemplars or icons of a Modern dualist ontology and a non-Modern mangle-ish ontology, respectively. Echoing Martin Heidegger, he argues that the Mondrianesque stance (1) is associated with projects of domination, and (2) veils our true, de Kooning-like, ontological condition from us. The second example concerns the struggles of the US Army Corps of Engineers with the Mississippi River. Again, these exemplify a project of domination and control, now including scientific knowledge, that is both embedded in and conceals the flow of becoming.

In the second part of the article, the author asks whether it would make a difference if humans adopted a stance of self-consciously, acting out an ontology of becoming. It is argued that it would, drawing upon examples from the arts, religion and philosophy, but seeking to draw attention especially, and contra Heidegger, to branches of science and engineering that themselves assume an ontology of becoming. He concludes with a brief discussion of a “politics of experiment” that would go with an ontology of becoming.

DOI: 10.22394/0869-5377-2017-3-153-170

References

- Asplen L. Going With the Flow: Living the Mangle Through Environmental Management Practice. *The Mangle in Practice: Science, Society, and Becoming* (eds A. Pickering, K. Guzik), Durham, London, Duke University Press, 2008, pp. 163–185.
- Beer S. *Cybernetics and Management*, London, English Universities Press, 1959.
- Deleuze G., Guattari F. *Tysiacha plato. Kapitalizm i shizofreniia* [Mille plateaux. Capitalisme et Schizophrénie], Yekaterinburg, U-Faktoriia, Moscow, Astrel', 2010.
- Giedion S. *Mechanization Takes Command: A Contribution to an Anonymous History*, New York, Oxford University Press, 1948.
- Gomart E., Hennion A. A Sociology of Attachment: Music Amateurs, Drug Users. *Actor Network Theory and After* (ed. J. Hassard), Oxford, Blackwell Publishers / The Sociological Review Monographs, 1999, pp. 220–247.
- Harden B. Dams and Politics Channel Mighty River. *New York Times*, May 5, 2002.
- Heidegger M. Vopros o tekhnike [Die Frage nach der Technik]. *Vremia i bytie* [Zeit und Sein], Moscow, Gnozis, 1993, pp. 221–238.
- McPhee J. Atchafalaya. *The Control of Nature*, New York, Farrar, Straus, Giroux, 1989, pp. 3–92.
- McPhee J. *The Control of Nature*, New York, Farrar, Straus, Giroux, 1989.
- Nordheimer J. Nothing's Easy for New Orleans Flood Control. *New York Times*, April 30, 2002.
- Pickering A. A Gallery of Monsters: Cybernetics and Self-Organisation, 1940–1970. *Mechanical Bodies, Computational Minds: Artificial Intelligence From Autom-*

- ata to Cyborgs (eds S. Franchi, G. Güzeldere), Cambridge, MA, MIT Press, 2005, pp. 229–245.
- Pickering A. Beyond Design: Cybernetics, Biological Computers and Hylozoism. *Synthese*, 2009, vol. 168, pp. 469–491.
- Pickering A. Cybernetics and the Mangle: Ashby, Beer and Pask. *Social Studies of Science*, 2002, vol. 32, pp. 413–437.
- Pickering A. Cybernetics as Nomad Science. *Deleuzian Intersections in Science, Technology and Anthropology* (eds C. B. Jensen, K. Rodje), Oxford, Berghahn, 2009, pp. 155–162.
- Pickering A. New Ontologies. *The Mangle in Practice: Science, Society, and Becoming* (eds A. Pickering, K. Guzik), Durham, London, Duke University Press, 2008, pp. 1–16.
- Pickering A. On Becoming: Imagination, Metaphysics and the Mangle. *Chasing Technoscience: Matrix of Materiality* (eds D. Ihde, E. Selinger), Indiana, Indiana University Press, 2003, pp. 96–116.
- Pickering A. Science as Theatre: Gordon Pask, Cybernetics and the Arts. *Spektakuläre Experimente: Praktiken der Evidenzproduktion im 17. Jahrhundert* (eds H. Schramm, L. Schwarte, J. Lazardzig), Berlin, de Gruyter, 2006, pp. 454–476.
- Pickering A. Space — The Final Frontier. *Collection, Laboratory, Theater* (eds H. Schramm, L. Schwarte, J. Lazardzig), Berlin, de Gruyter, 2006, pp. 1–8.
- Pickering A. *The Mangles of Practice: Time, Agency and Science*, Chicago, IL, University of Chicago Press, 1995.
- Pickering A. The Science of the Unknowable: Stafford Beer's Cybernetic Informatics. *Kybernetes*, 2004, no. 33, pp. 499–521.
- Pickering A. The Tortoise against Modernity: Grey Walter, the Brain, Engineering and Entertainment. *Experimental Cultures: Configurations Between Science, Art, and Technology, 1830–1950*, Berlin, Max-Planck-Institut für Wissenschaftsgeschichte, 2002, pp. 109–122.
- Pringle K. Movement Afoot to Undo Some of Draining's Damage. *Champaign-Urbana News Gazette*, March 3, 2002.
- Schivelbusch W. *The Railway Journey: The Industrialization of Time and Space in the 19th Century*, Berkeley, University of California Press, 1986.
- Steiner C. J. Ontological Dance: A Dialogue Between Heidegger and Pickering. *The Mangle in Practice: Science, Society, and Becoming* (eds A. Pickering, K. Guzik), Durham, London, Duke University Press, 2008, pp. 221–243.